

А. ГАСТЕВ*

Свидание с Лениным**

Это было 3-го июня 1921 года. Я был вызван к часу дня. Еще проходя через приемную Совнаркома, я увидел, что на стене было вывешено «Как надо работать» (цитовская памятка). В кабинете ровно в час Владимир Ильич уже ждал. В первый же момент он буквально облил своим радушием, реальную теплоту которого многие и не знают. «Я теперь в хороших условиях, я очень недурно кормлюсь, а вот Вы что-то плохо, все на Вас висит, а поэтому Вам надо куда-то поехать. Поезжайте-ка за границу да отдохните». Вот были фразы, с которыми он меня встретил. На встречный вопрос о здоровье Владимир Ильич стал жаловаться на недомогание. Уже не в первый раз, как и в прошлых встречах, он упоминал о том, что у него появилась какая-то глухота, которой не было, заявил о том, что он начал стареть. Как-то не верилось, однако, в эту старость, когда он быстро пошел в соседний кабинет и принес книги. Твердой топающей походкой, которую он проводил как будто на одних каблуках, почти бегая, как юноша, он принес книги и сказал: «Вот, все некогда, а обязательно, обязательно...» — и начал с воодушевлением рассказывать о том, как многое необходимо было бы сделать в области организации труда, как тщательно надо изучать капиталистический опыт. Владимир Ильич припомнил наши встречи, которые предшествовали настоящему разговору, и указывал, что вопросы организации труда — это есть самое главное, которое нужно теперь проводить, а потом начал говорить о том, что дело надо обставить хорошо, что условия для работы надо создать приличные, что оборудовать нужно так, как это нужно для Советской трудовой республики. И в то же время говорил, что неладна в хозяйстве вопиющая, а вот надвигается какая-то новая страдная пора: «Вот сейчас мне телефониروвали с Украины, — хлеб, говорят, горит***, плоховато что-то», — и начал говорить подробно о том, что, вероятно, будет голод и общее истощение. Немного поговорив об этом, он сказал: «А все-таки это дело такое, которое надо поднять». Тогда как-то не имелось

---

* *Алексей Капитонович Гастев* (1882–1939) — революционер, профсоюзный деятель, поэт, теоретик научной организации труда, руководитель Центрального института труда. Член ВКП(б) с 1931. Один из идеологов Пролеткульта.

** Организация труда. М.: ЛИГ, 1924. № 1. С. 11–13.

*** Засушливое лето, определившее голод в стране. (*Прим. автора.*)

точного представления о золоте. Эпоха военного коммунизма не приучила нас к тому, чтобы знать реальный вес золота и реальную величину государственного золотого запаса, и поэтому я тогда размахнулся на оборудование ЦИТа* суммой в полмиллиона золотых рублей. Эту сумму удалось беспрепятственно провести через Наркомвнешторг при активной поддержке тов. Лежавы, но скоро оказалось, что решить легко, но реализовать, вследствие малой оперативной подвижности Внешторга, безумно трудно.

Когда я сказал об этом Владимиру Ильичу, он подал мысль обратиться в Наркомфин и настаивать перед ним,, чтобы было сделано «хоть кое-что». Но тут же, сейчас же мы съехали на разговор о волоките. В разговоре пришлось коснуться того, что мы очень плохи по части исполнительства. Провести какое-нибудь дело через инстанции не представляет никакой трудности, но точно, реализовать его, точно выполнить, — это очень трудно.

Смеясь и грохоча, Владимир Ильич давал реплики по этому поводу. Я бросил фразу о том, что слово «да» в разговорах очень мало значит; «так точно» — гораздо определеннее. Старая солдатская формулировка не допускала сомнений и предрешала действие. Он живо откликнулся и, когда давал письмо тов. Альскому, то нарочно вставил слово «точнее» и подчеркнул его. Однако я не мог скрыть от Владимира Ильича, что плохо верю в реализабельность этого дела. Тогда он сказал: «А знаете, ведь чем черт не шутит, почему не попробовать?..»

...Владимир Ильич говорил, что если встретятся какие-нибудь препятствия, то обязательно надо «черкнуть», что если бы случилось, что он где-нибудь занят, если бы случилось, что он на заседании, то надо тогда «маленькую записку в два слова» передать и он сейчас же на этой записке ответит.

Однако после этого свидания я не решался беспокоить мелочами, но с тех пор во всяком случае я всегда чувствовал, что дело, за которое я взялся, находится в поле зрения этого беспримерного человека, и это настроение давало силы, уже не встречаясь с ним, даже и не ища этих встреч, знать, что этим делом нельзя шутить, а его нужно делать. Как-то легко потом пришлось отнестись к тому факту, что знаменитые полмиллиона рублей золотом так и не попали к ЦИТ. От Наркомфина мы тогда не получили ничего, кроме маленького любезного разговора с тов. Альским, который, конечно, кроме этого разговора, при тогдашних условиях ничего не мог сделать, а наша заявка через Наркомвнешторг, которая сначала прошла в количестве полмиллиона рублей золотом,

---

* ЦИТ — Центральный институт труда. — *Ред.*

была сбавлена до ста тысяч, сто тысяч было сбавлено до двадцати тысяч. Эта цифра потом прошла через тот же глаз т. Ленина (по должности Председателя СТО)* и он сказал: «Дело хорошее, а все-таки сейчас больше не можем». В дальнейшем оказалось, что и двадцати тысяч мы не получили, и заявка наша была сведена до восьми тысяч рублей, да и то она была реализована далеко не в такой мере и не так, как нам хотелось. Заграничный аппарат Наркомвнешторга не мог ее реализовать с той скоростью и целостностью объема, на который мы рассчитывали. Мы сами уловили эту тенденцию и в ожидании заграничных благ, перешли на так называемую робинзонаду. Мы начали собирать все то, что было из какого-нибудь случайного оборудования, и создавали свою аппаратуру на месте. За отсутствием металла мы многое начали делать из дерева, и в этой работе, конечно, имело исключительное значение то, что работа по созданию ЦИТа была в поле зрения человека, который разбил историю человечества на два куска: один до него, другой после него...